

и делает определенные творческие выводы. IV сатира, представляющая собой замечательный образец литературного самосознания русского писателя XVIII века, видимо, предназначалась для заключения предполагаемого сатирического цикла.

Вполне естественно предположить, что именно в это время Кантемир, проникнутый просветительскими стремлениями, задумался над тем, чтобы обнародовать свои произведения в печати. По справедливому замечанию Д. Д. Благого, «в противоположность старым нашим „письменникам“, Кантемир был писателем, „автором“ нового ... склада, предназначавшим свое творчество для наивозможно более широкой читательской аудитории».²³ О том, что еще во время пребывания в России Кантемиром владела мысль издать в свет свои сочинения, свидетельствует, между прочим, и тот факт, что он снабдил ряд своих произведений «изъяснениями».

Если учесть, что в последнем прижизненном сборнике, отосланном в Россию для печати, ни одно произведение не обходится без соответствующих комментариев, то можно заключить, что наличие этих последних или отсутствие служит вполне точным критерием для суждения о том, какие произведения Кантемир намеревался ввести в состав печатного издания и какие решил оставить за его рамками. Во всех сборниках, содержащих первоначальную редакцию произведений Кантемира, созданных в России, авторскими примечаниями снабжены лишь пять сатир и «Речь к императрице Анне Иоанновне». Остальные произведения встречаются вообще крайне редко; *Metaphrasis*, P. 36 и P. 72 (переложения псалмов 36 и 72), первая часть «Петриды», «*Eposos Consolatoria*» представлены лишь в нескольких сборниках и лишены примечаний.²⁴

По-видимому первоначальный план сборника, предназначавшегося для печати, включал преимущественно сатиры и примыкающие к ним произведения: приветственные стихи Феофана Прокоповича и Феофила Кролика, адресованные Кантемиру, «Благодарительные стихи» последнего Феофану, ряд эпиграмм, связанных с соответствующими сатирами, и, наконец, «Речь к императрице Анне Иоанновне».

Намечая это издание, Кантемир безусловно отдавал себе отчет в его характере и сознавал опасность, которую он мог навлечь на себя, вследствие такого «неблагонадежного» уклона своего

²³ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1945, стр. 91.

²⁴ Например, в сборниках Q. XIV, 6 и СПб. Дух. Акад. А. IV/8 (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), а также в сборнике Ф. 68 Собр. Генерального штаба № 6677 (Государственная библиотека им. В. И. Ленина, в дальнейшем ГБЛ).